

Научно-теоретический журнал
Издается с августа 1946 года

СОДЕРЖАНИЕ

Политические изменения в современной России

(Тематическое исследование)

<i>Артёмов Г.П., Данилова А.В., Попова О.В.</i> Динамика политических установок и партийных предпочтений	3
<i>Макарин А.В., Лагутин О.В., Шентякова А.В.</i> Изменение характера взаимодействия элитных группировок в процессе принятия государственных решений	17
<i>Бельдей А.М.</i> Российский федерализм: опыт 15-летней эволюции	31
<i>Сафонова О. Д.</i> Этнополитические конфликты и региональные институты власти	41

Социология

<i>Иванов В.Д.</i> Теоретические модели глобализации	52
<i>Анохин А.М.</i> Элита и маргиналы: социальные механизмы адаптации в глобализирующемся мире	60
<i>Безрукова О.Н.</i> Одинокие матери: проблемы жизни в мегаполисе	71
<i>Антонов С.Н.</i> Влияние рекламы на культуру в постсоветский период	83
<i>Негрова М.С.</i> О некоторых политических факторах стабильности общества (на материалах Красноярского края)	93

Международные отношения

<i>Ягья В.С., Блинова Н.В.</i> Английский язык как фактор мировой политики	102
<i>Ятманова М.Г.</i> Эволюция системного подхода в исследованиях международных отношений	108
<i>Грецкий И.В.</i> Внешняя политика России и президентские выборы 2004 г. на Украине	121

Философия

<i>Бернюкевич Т.В.</i> Исследования буддизма в России в конце XIX – первой половине XX вв. в контексте развития философской компаративистики	143
<i>Воробьева С.А.</i> Методология исторического источниковедения в русской философии истории первой половины XIX в.	154
<i>Медведева М.А.</i> Проблема Бога в современных отечественных исследованиях философии Декарта	164
<i>Крылова Н.А.</i> Герменевтика имени Божия в корпусе Ареопагитик	172
<i>Мионов Д.А.</i> Философские воззрения Н.И. Пирогова	184
<i>Борисов И.В.</i> Особенности «новой онтологии» иррациональной философии	191
<i>Власова О.А.</i> Философская феноменология и феноменологическая психиатрия	198
<i>Каньшева О.А.</i> Семiotический контекст учения Платона о любви	203
<i>Печенина О.В.</i> Функции реального, воображаемого и символического в коммуникативной модели структурного психоанализа Ж. Лакана	208
<i>Трушина Л.Е.</i> Реклама в информационном пространстве современного общества	215
<i>Алексеева Е.В.</i> Архетипы в сценариях праздничной культуры	223

<i>Дементьева Е.В.</i> Становление новых концептуальных доминант в музыкальной культуре XX века: П. Булэз, К. Штокхаузен, Д. Кейдж.....	230
<i>Меткин М.В.</i> Организация как тип социальной общности: анализ кризисных ситуаций.....	238
Психология	
<i>Бардиер Г.Л.</i> Политическая культура как социальный контекст проявления толерантности	244
<i>Петрова В.Н.</i> Образ будущего и профессиональная успешность	251
<i>Дворянчиков Н.В., Носов С.С.</i> Половозрастные и полотипические особенности механизмов психологических защит	261
<i>Терра Т.К.</i> Удовлетворенность жизнью и реализованность мужчин в период взрослости	267
<i>Галь А.И.</i> Особенности развития мышления и мотивационно-потребностной сферы в периоде взрослости ..	273
<i>Дворникова Т.А., Кострамина С.Н.</i> Учебные стратегии как средство организации самостоятельной работы студентов.....	278
<i>Якушкина М.С.</i> Роль кураторов в становлении субъектной позиции школьников и студентов	285
<i>Поляков А.В.</i> Психологические аспекты профессиональной деформации преподавателей вузов.....	294
<i>Пасторова А.Ю.</i> Психологические эффекты совместного воспитания в дошкольном учреждении детей с обычным и особым развитием.....	302
<i>Ефремова Н. В.</i> Оценка как фактор развития творческой деятельности учащихся в системе дополнительного образования детей.....	313
<i>Чёрная И.Ю.</i> Использование духовно-нравственного потенциала отечественной культуры в воспитании личности.....	319
<i>Морозова Т.Б.</i> Единство биологического, психологического и социального в личном развитии близнеца-подростка	325
<i>Зобнина Л.Я.</i> Зрительное восприятие как основа интеллекта	331
<i>Петрова Н.А.</i> Влияние фактора мотивации на восприятие сложных зрительных сцен.....	336
<i>Одиноква В.А., Спирина В.Л.</i> Влияние структурных параметров целевой аудитории на восприятие социальной рекламы, связанной со здоровьем людей	341
<i>Спирина В.Л.</i> Особенности влияния характеристик рекламного сообщения о здоровье на его восприятие целевой аудиторией	350
<i>Васильева Т.В.</i> Детерминация межличностного общения: потребностно-мотивационный аспект.....	358
<i>Виданова Ю.И.</i> Психическое выгорание в процессе профессионализации административных работников	364
<i>Картаева Е.И.</i> Факторы взаимного доверия сотрудников коммерческих организаций.....	370
<i>Силинский Е.С.</i> Факторы готовности к финансовому риску.....	375
Социологическая археология	
<i>Азбелев П.П.</i> Оглахтинская культура.....	381
<i>Михайлова Е.Р.</i> Культура псковских длинных курганов: памятники финального этапа	389
Хроника	
Круглый стол «Проблемы христианской социологии»	399
Аннотации	405
Summaries	412
Перечень статей , опубликованных в журнале «Вестник СПбУ», серия 6, в 2007 г.	418

ГЛАВНАЯ РЕДКОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор **Л.А. Вербицкая**

Заместители главного редактора: **Н.М. Кропачев, И.А. Горлинский**

Члены редколлегии: **А.Ю. Дворянченко, В.В. Дмитриев, С.Г. Инге-Вечтомов,
А.Г. Морачевский, Ю.В. Перов, Т.Н. Пескова, С.В. Петров, Л.А. Петросян,
Н.В. Расков, В.Т. Рязанов, Р.В. Светлов, В.Г. Тимофеев, П.Е. Товстик, Д.В. Шмонин**

Ответственный секретарь **С.П. Заикин**

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

П. П. Азбелев

ОГЛАХТИНСКАЯ КУЛЬТУРА

Культурная история древних племен Среднего Енисея – сложное переплетение местных традиций и инновационных потоков различного происхождения. В этой череде периодов постепенного накопления изменений и быстрых коренных трансформаций, обусловленных всякий раз новыми обстоятельствами, особое место занимает т. н. «таштыкская эпоха» – время на рубеже поздней древности и раннего средневековья, хронологически частично совпадающее с Великим переселением народов. Сложность историко-культурных процессов этого периода требует порой возвращаться к вопросам хронологии и периодизации, пересматривая и уточняя ранее высказывавшиеся идеи и концепции. Одному из спорных вопросов периодизации посвящена эта статья.

В состав таштыкской культуры включают: 1) грунтовые могилы оглахтинского типа; 2) склепы, большие и малые; 3) помины, примыкающие к могильникам. Кроме того, нужно упомянуть и другие типы памятников, которые пока можно рассматривать лишь в контексте анализа грунтовых могил и склепов. Поселения изучены плохо¹, а теперь большинство из них и вовсе под водоохранилищем. Петроглифы, хотя и многочисленны, пока не дают ничего сверх очевидного и иллюстративного. Для изучения вопросов датирования и периодизации они бесполезны, ибо сами датируются лишь через соотнесение с периодизациями, построенными по материалам погребений². Часть исследователей считает таштыкской особую минусинскую группу изваяний, но их таштыкская принадлежность обоснованно оспорена³; учитывая внекомплексность этих стел, привлекать их к изучению общих вопросов нельзя, пока они сами не будут независимо и достоверно атрибутированы. То же касается и крайне малочисленных сооружений с подквадратными выкладками над могилами и жертвенниками, на основе которых С. В. Киселев и Л. Р. Кызласов ошибочно выделяли особый, поздний этап развития таштыкской культуры⁴.

Итак, с позиций изучения вопросов хронологии и периодизации «таштыкская культура» – это, прежде всего, грунтовые могилы и склепы. История вопроса об относительной хронологии этих типов погребений и о культурном единстве (т. е. о периодизации) «таштыкской эпохи» разобрана Э. Б. Вадецкой⁵, и мы ограничимся довольно краткой сводкой (см. таблицу). Даты и периодизации «таштыкской культуры» предлагали С. А. Теплоухов, С. В. Киселев, Л. Р. Кызласов и М. П. Грязнов⁶. Установлено, что если грунтовые могильники относятся ко времени примерно от рубежа эр и как минимум до IV в. н. э.⁷, то таштыкские склепы не древнее V в.⁸ Таким образом, разрыв во времени между появлением на Среднем Енисее основных типов погребений «таштыкской эпохи» составляет около полутысячи лет. Корректировки дат были в целом учтены Э. Б. Вадецкой, которая уточнила периодизацию С. А. Теплоухова.

Авторы \ Типы памятников	Грунтовые могилы	Склепы
С. А. Теплоухов, 1929	«Таштыкские переходный этап», I–II вв. н.э.	«Могилы с бюстовыми масками», III–V вв.
С. В. Киселев, 1949	Могилы и склепы в целом синхронизированы, около I–V вв.	
Л. Р. Кызласов, 1960	I в. до н.э. – I в. н.э.	Вся «таштыкская эпоха»
М. П. Грязнов, 1971	Батеневский этап, I–II вв. н.э.	Тепсейский этап, III–V вв.
Э. Б. Вадецкая, 1999	I–IV вв.	V–VII вв.

Привычное восприятие «таштыкской эпохи» – это противоречивый синтез идей теплоуховского «Опыта классификации...» и «синхронистической» теории Киселева: таштыкская эпоха (культура) едина, но в своем развитии прошла два этапа, представленные соответственно двумя основными типами памятников. Для южносибирской археологии понятие «таштыкская эпоха» давно уже стало парадигматическим. Но если суммировать известные ныне факты и выводы, надежно обоснованные разными исследователями, то складывается интересная и очевидная в своем значении картина.

1. Грунтовые могилы оглахтинского типа – особый тип памятников с отчетливым своеобразием похоронной обрядности: общая для них система ритуалов уникальна, хотя по ряду черт они близки одной из погребальных традиций тесинского этапа.

2. Грунтовые могилы образуют отдельные кладбища, лишь изредка приуроченные к более ранним памятникам и далеко не всегда служившие ориентиром для строителей таштыкских склепов.

3. Грунтовые могилы оглахтинского типа в целом как тип памятников, древнее таштыкских склепов и моложе тесинских могильников.

4. Сопроводительный инвентарь имеет аналоги как в более ранних тесинских могилах, так и в более поздних таштыкских склепах, но в целом не повторяет ни один из известных культурных комплексов.

5. В период склепных погребений ритуалы, свойственные грунтовым могилам, представлены в т. н. «малых склепах», внешне имитирующих большие.

Что же объединяет грунтовые могилы и склепы в одну археологическую культуру кроме историографической привычки?

Как не раз отмечалось в литературе, применение термина «археологическая культура» к раннесредневековым южносибирским памятникам условно. Ссылаясь на С. А. Теплоухова, Э. Б. Вадецкая пишет: «под культурой подразумевается определенная группа могильников и курганов. Значит, грунтовые могильники и могильники со склепами объединяются в единую культуру тем более условно. Практически население этих этапов связано лишь двумя культурными традициями. Первая проявляется в керамике, ибо наряду с новыми формами сохраняются три ранние. Вторая традиция – в продолжающемся использовании в качестве урн для пепла человека мягких кожанно-соломенных кукол, хотя чаще пепел клали в урны-бюсты»⁹. Вместе с тем автор возвращается к понятию «таштыкская эпоха», вслед за Л. Р. Кызласовым вынося его в заглавие своего труда и не отвергая объединения грунтовых могил и склепов в рамках одной культуры.

Можно было бы избавиться от этой путаницы, отказавшись от слов «археологическая культура» и оперируя лишь типами памятников. Но такое упрощение вряд

ли плодотворно. Известная (и наиболее практичная) система понятий археологической науки, характеризуя тип как устойчивое сочетание признаков, определяет археологическую культуру как устойчивое сочетание типов¹⁰. Это сохраняет смысл и тогда, когда речь идет о типах памятников. Проблема заключается не в том, насколько условно понятие «археологическая культура», а в том, какую общность людей представляет данное устойчивое сочетание типов вещей и памятников, какова их иерархия, какие именно признаки и типы считать культуuroобразующими: часто одни и те же комплексы группируют по-разному даже при отсутствии споров по датам.

В минусинской археологии соотношение понятий *тип погребальных памятников* и *археологическая культура* для раннего средневековья отличается от их соотношения для ранних времен. Если в эпоху бронзы – раннего железа сменяющие друг друга *типы памятников* на Среднем Енисее, по сути, равнозначны *археологическим культурам*, то от хуннского и до монгольского времени типы погребений на Среднем Енисее уже сосуществуют. Для хуннского времени характерно одновременное бытование традиций погребения в подкурганых склепах и грунтовых могилах тесинского этапа; затем могилы «таштыкского переходного этапа» пересекаются во времени сперва с тесинскими склепами¹¹, а позднее со склепами таштыкскими; в кыргызское время сначала сосуществуют традиции погребения в склепах таштыкского типа¹² и под оградами чаатасов, затем традиции оград и курганных могильников. При этих условиях упомянутого совпадения значений уже нет: «интерпретационная» периодизация по археологическим культурам отличается от «строгой» периодизации по типам погребений. Во многом повторяющиеся сочетания типов образуют в рамках каждой культуры новую иерархию, отражающую реалии иначе, нежели прежде, устроенного и по-другому развивавшегося общества, а поздние памятники ранней культуры неизбежно оказываются в составе поздней культуры. Для каждой культуры выделяются доминирующие, «культурообразующие» типы вещей и памятников, определяющие специфику периода, и ключ к корректной периодизации – в точном определении этих типов по следующему ряду обстоятельств.

Всякий погребальный комплекс в частности и система ритуалов в целом является в том числе и четко структурированной знаковой системой, хранящей и транслирующей некоторые данные о погребенных. Выделяются три основных информационных блока, несущих сведения об этнической, общественной и политической принадлежности («подданстве») умерших. Признанные этнические индикаторы – обряд погребения (в самом узком смысле – что и как делали непосредственно с телом умершего) и бытовая часть сопроводительного инвентаря. Престижные, знаковые изделия: поясные и сбруйные наборы (своеобразный аналог нынешней военной форме, знаков различия и орденовских планок), некоторые виды оружия, украшений и стили декора, – фиксируют уже статус погребенного (и культурно-политическую ориентацию общества в целом¹³); сходную информационную нагрузку несет и надмогильное сооружение, памятник в обиходном смысле. Эти «внеэтнические» признаки, пронизывающие весьма различные комплексы, служат надежными индикаторами общего социально-политического устройства, и, значит, единого общественного самосознания. Поэтому выделение археологических культур на материалах «эпохи сложения государств»¹⁴ надежнее всего основывать на признаках, фиксирующих надэтническую самоидентификацию древних; это прежде всего общее устройство погребальных памятников ведущего типа и «сквозной» престижный или просто обособленный вещевой комплекс.

Вещевой комплекс «таштыкской эпохи» определенно не един: ременные принадлежности и украшения из грунтовых могил и склепов принадлежат разным «временам»,

хуннскому и раннетюркскому; керамика, по меткому замечанию Теплоухова, «реагирует на появление другого быта» в пору строительства склепов; наземные сооружения и внутреннее устройство погребений представляют не только разнящиеся традиции похоронной обрядности, но и разные типы общественного устройства и миропонимания; подкрепленная абсолютными привязками относительная хронология «разводит» грунтовые могилы и склепы во времени. Если на первом этапе «таштыкской эпохи» грунтовые могилы – господствующий и изначально инородный тип, на фоне которого угасают «курганные» традиции тесинского этапа, то на втором – имитация «малыми склепами» внешних признаков больших склепов указывает на изменение иерархии типов памятников, причем специфика склепов, нового доминирующего типа, во многом определяется привнесенными извне признаками. Наконец, изобразительная традиция «склепного» времени совершенно нова для Среднего Енисея: «пакет» образов и стилистических приемов, эталонно представленный тепсейскими и ташебинскими миниатюрами, появился здесь в V в. уже вполне сформированным и оказал преобразующее воздействие на местную петроглифику¹⁵.

Вопрос о единстве «таштыкской эпохи» – не просто терминологический: за терминами здесь, как и в других случаях, стоит понимание сущности развития. Грунтовые могилы оглахтинского типа отличаются от склепов не менее, чем от тагаро-тесинских памятников. Потому, понимая развитие материальной культуры как вещественное отражение истории самоидентифицирующихся социумов, следует повысить таксономический статус этапов «таштыкской эпохи». Грунтовые могилы нельзя рассматривать как ранний этап развития «склепной» традиции: они оставлены иным обществом с иной материальной культурой, с множеством черт палеозтнографического своеобразия, с иной социальной организацией, с иными представлениями о загробном мире – ведь разница между родовым погребением в склепе и семейным захоронением в грунтовой могиле запечатлела глубокие различия не только в общественном строе, но и в идеологии. Тенденция к обособлению культуры минусинских грунтовых могил намечена еще Теплоуховым, а сейчас ее уже можно считать выдержавшей проверку временем и научными спорами. Не отрицая черт неизбежной преемственности, обусловленных общим этническим субстратом, «человеческим материалом» обоих этапов «таштыкской эпохи», следует выделить на материалах грунтовых могил и склепов две археологические культуры, оставленные народами, по-разному воспринимавшими себя, окружающий мир и свое место в нем.

Культуре таштыкских склепов, «могил с бюстовыми масками» по Теплоухову, следует посвятить особую работу, уже кыргызоведческой направленности¹⁶; мы же остановимся на грунтовых могилах.

Наиболее известный памятник культуры грунтовых могил, безусловно, – Оглахтинский могильник. На фоне прочих он выглядит не самым типичным, но его своеобразие – следствие ландшафтно-климатических условий, предопределивших редкую сохранность органики. Хотя этот памятник известен более по словесным описаниям, нежели по академическим публикациям, он остается эталонным, и вполне правомерно называть выделяемую теперь культуру грунтовых могил *оглахтинской*.

Хронологические рамки оглахтинской культуры определяются как первая половина I тыс. н. э. Нижняя дата оглахтинской культуры должна уточняться на основе подробного сопоставления оглахтинских могил с тесинскими; ориентиром пока остается рубеж эр. Верхняя дата оглахтинской культуры известна: инновации V в. не вытеснили оглахтинские традиции, но вызвали их трансформацию. Черты оглахтинской обрядности еще видны в «малых склепах», но иерархия типов памятников уже иная.

Недавно заложены основы относительной хронологии могильников: опираясь на различия в деталях погребального обряда, Э. Б. Вадецкая выделяет три хронологических группы грунтовых могил¹⁷. От уточнения этих выводов зависит решение проблем преемственности развития, и главное не в том, чтобы продатировать (скажем, по С¹⁴) все могильники и расставить их в хронологическом порядке – важнее *проследить археологическими средствами внутреннее развитие культуры*. Наиболее перспективно сквозное комплексное изучение керамики (тесинской, оглахтинской, «склепной» и чаатасовской) с учетом локальных ее особенностей.

Памятники оглахтинской культуры пока не могут быть связаны с тем или иным этносом. Они не принадлежат ни кыргызам-гяньгунь, ни динлинам, и вряд ли подтвердится экстравагантная гипотеза об их сяньбийской принадлежности¹⁸. Скорее всего, этот народ в летописях вовсе не упомянут, ибо китайцы просто не знали о его существовании¹⁹, а редкие китайские вещи в оглахтинских могилах не говорят о взаимных контактах: это односторонний и, видимо, эпизодический импорт, объем которого, по наблюдениям Э. Б. Вадецкой, постепенно сокращался.

Уместно дать краткое описание ведущего типа памятников оглахтинской культуры²⁰.

Могильники насчитывают десятки, а то и сотни погребений и поминов. Надмогильные сооружения первоначально имели вид холмиков, порой обложенных плитками; остатки сложных конструкций на могилах не обнаружены. Могилы прямоугольные или квадратные, от мелких до глубоких, трехметровых. Ямы обкладывали берестяными полотнищами, на дне собирали сруб или раму с перекрытием; дерево, как и в тагарское время, порой оборачивали берестой.

Похоронный обряд. Обычно в могиле несколько захоронений (ориентация – в ЮЗ секторе). Практиковалось два способа погребения: частичное мумифицирование и кремация. Мумии часто находят с масками, вылепленными из гипса с примесями прямо на лице и оттого нереалистичными (резкое отличие от «склепной» традиции, отмеченное еще Теплоуховым). По способу изготовления маски близки тесинским «глиняным головам». Иногда они починены; считают, что это указывает на интервал между изготовлением маски и погребением.

Если мумифицирование известно на Енисее еще с сарагашенского времени, то трупосожжение – нечто новое для минусинских племен (единичные находки пепла в тесинских могилах еще не фиксируют стойкой традиции). Пепел помещали в манекен – «куклу», сшитую из верхней одежды или просто из кожи или бересты. Маски для «кукол» не типичны, т. е. в оглахтинское время обычай изготовления масок с кремацией не коррелирует (еще одно отличие от традиций «склепного» времени); зато лица «кукол» раскрашены, причем сходно с росписью масок для мумий. Возможно, Л. Р. Кызласов верно угадывает мотивации оглахтинцев, когда пишет, что обычай прятать пепел в «куклы» («имитации» по его терминологии) «совмещает черты пришлого и местного обрядов, ибо содержит трупосожжение, сохраняя внешнее подобие трупоположения. Очевидно, что при похоронах люди пытались создать иллюзию единого обряда трупоположения, в ту эпоху превалировавшего среди местного населения, хотя часть новопоселенцев предпочитала вершить исконный для них обряд трупосожжений»²¹. Замечено, что куклы обычно лежат у северной стенки могилы, а мумии – у южной. Есть мнение, что могилы устроены как своеобразные «загробные дома» с женской и мужской половинами²². Возможны и другие объяснения биритуальности: скажем, она может быть отражением экзогамной организации семейно-брачных отношений.

Находок мало. Прежде всего, это керамика, во многом сходная с тесинской и в меньшей степени – с сосудами из таштыкских склепов, деревянная и берестяная посуда. Часто встречаются булавки-«гвоздики» из кости и рога, иногда украшенные по-тесински. Есть находки железных крючков; сравнительно много бус, в том числе датирующих. Редки пряжки, в основном наследующие тесинским типам, обломки зеркал, модели кинжалов в ножнах, перекликающихся с пазырыкскими, китайские импорты.

Поселения и петроглифы оглаختинцев достоверно пока не выявлены. Недавно открыты татуировки оглахтинских мумий, привлекающие исследователя неблизкой еще перспективой основательного изучения оглахтинской изобразительной традиции²³.

Процесс становления оглахтинской культуры не вполне ясен. Уже отмечено сходство с оглахтинской традицией части тесинских могил; не следует ли считать их памятниками начального этапа оглахтинской культуры – времени смуты и смешения разнородных традиций? Далее, не раз указывались черты сходства в устройстве тесинских и таштыкских склепов, и вопрос о континуитете «склепной» традиции оказывается увязан с проблемой верхней даты тесинских склепов. Э. Б. Вадецкая датирует их осторожно: «самые ранние тесинские курганы по бусам датируются с I в. до н. э., а позднейшие, соответственно, не ранее II в.»²⁴; но датирующие обстоятельства не исключают, что эти курганы строились на протяжении всей истории оглахтинской культуры. Если так, то картина этнокультурного развития минусинских племен первой половины I тыс. предстает почти драматической – не только пора становления, но и весь период существования оглахтинской культуры сопровождался медленным упадком местных «курганых» традиций, дошедших до крайней точки своего развития и столкнувшихся с мощным воздействием нескольких волн мигрантов.

Выделение оглахтинской культуры из «таштыкской эпохи» упорядочивает хронологическую классификацию раннесредневековых минусинских памятников, но может и внести новую путаницу, если оставить без внимания еще один титульный памятник – Таштыкский могильник, раскопанный С. А. Теплоуховым (1925) и Э. Б. Вадецкой (1969, 1981)²⁵. Это памятник оглахтинской традиции, и лишь особенности обряда и отсутствие некоторых почти обязательных находок (вроде булавок-«гвоздиков») указывают на позднюю дату. Вадецкая включает его в число позднейших «по археологическим признакам». Значит, вроде бы и нет формальных причин сохранять за культурой склепов – «могил с бюстовыми масками» – название таштыкской. Возможно, было бы логично, повышая таксономический статус этапов «таштыкской эпохи», предложить новые названия каждой из выделяемых при этом культур. Однако традиций в науке еще никто не отменял, а слова «таштыкская культура» ассоциируются, прежде всего, со склепами, так что проще раскопать на ручье Таштык хотя бы один склеп и тем самым оправдать знаменитое название, чем отказаться от него. Так что вернее, полагаю, пока все же условно сохранить за культурой склепов привычное название *таштыкской* (или *культуры таштыкских склепов*) а грунтовые могильники обособить под новым (но хорошо знакомым и понятным всякому специалисту) названием *оглахтинской культуры*.

Принятые сокращения

АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

МЭ – Материалы по этнографии

СА – Советская археология

СГЭ – Сообщения Государственного Эрмитажа

¹ См. обзор: *Вадецкая Э. Б.* Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л., 1986. С. 139–140.

² Малая информативность раннесредневековых минусинских петроглифов обусловлена, кроме прочего, методически неточным подходом к ним, прежде всего как к памятникам искусства, тогда как изобразительная традиция варварских обществ искусством в современном смысле слова не является – это иной род деятельности человека, требующий особых аналитических приемов; кроме того, есть болезненные проблемы качества копирования, учета микропалимпсестов, трасологических данных и т. д.

³ Историю вопроса см.: *Панкова С. В.* К вопросу об изваяниях, называемых таштыкскими // *Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура.* СПб., 2000. С. 86–92.

⁴ См. подробнее: *Вадецкая Э. Б.* Археологические памятники... С. 145; *Панкова С. В.* О памятниках «камешковского» этапа таштыкской культуры // *Курган: историко-культурные исследования и реконструкции.* СПб., 1996. С. 41–43. Не исключено, что к этой же группе нужно отнести погребение на ул. Советской в Абакане (А. Н. Липский, 1946; № 65, Абакан XIII по списку Вадецкой, см.: *Вадецкая Э. Б.* Археологические памятники... С. 152) и похожий комплекс на Сосновом оз. в Бейском р-не Хакасии (раскопан в 1984).

⁵ *Вадецкая Э. Б.* Археологические памятники... С. 129–131, 144–146; *Она же.* Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб., 1999. С. 7–10, 65–66.

⁶ *Теплоухов С. А.* Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // *МЭ.* 1929. Т. 4. Вып. 2. С. 51; *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири // *МИА.* 1949. № 9. С. 264–267; *Кызласов Л. П.* Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. М., 1960. С. 75–116; *Грязнов М. П.* Миниатюры таштыкской культуры // *АСГЭ.* 1971. Вып. 13. С. 94–106.

⁷ Сводку по хронологии см.: *Вадецкая Э. Б.* Таштыкская эпоха... С. 65–75.

⁸ *Амброз А. К.* Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. Ч. II // *СА.* 1971. № 3. С. 121–122; *Вадецкая Э. Б.* Археологические памятники... С. 144–146; *Азбелев П. П.* Типогенез характерных таштыкских пряжек // *Проблемы археологии, истории, краеведения и этнографии Приенисейского края: В 2 т. Т. II.* Красноярск, 1992. Т. II. С. 48–52. *Она же.* Сибирские элементы восточноевропейского геральдического стиля // *Петербургский археологический вестник.* 1993. Вып. 3. С. 89–93.

⁹ *Вадецкая Э. Б.* Таштыкская эпоха... С. 129. Ср.: С. 16 и 116–118 – о различиях между «коновязями» при грунтовых могильниках и «поминами» при склепах.

¹⁰ *Бочкарев В. С.* К вопросу о структуре археологического исследования // *Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 года.* Ташкент, 1973. С. 56–60. *Она же.* К вопросу о системе основных археологических понятий // *Предмет и объект археологии, и вопросы методики археологических исследований.* Л., 1975. С. 34–42.

¹¹ О соотношении типов тесинских памятников см.: *Кузьмин Н. Ю., Варламов О. Б.* Особенности погребального обряда племен Минусинской котловины на рубеже эры: опыт реконструкции // *Методические проблемы археологии Сибири.* Новосибирск, 1988; *Вадецкая Э. Б.* Таштыкская эпоха... С. 164. Даты тесинских склепов см.: С. 147–154.

¹² *Азбелев П. П.* О верхней дате традиции таштыкских склепов // *Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками.* Барнаул, 2007. С. 33–36.

¹³ *Азбелев П. П.* К интерпретации заимствования ремесленных традиций в среде центральноазиатских кочевников (I тыс. н. э.) // *Древнее производство, ремесло и торговля по археологическим данным.* М., 1988. С. 75–76.

¹⁴ Термин С. В. Киселева (*Киселев С. В.* Указ. соч. С. 273). Следует помнить, что «государствами», а то и «империями» варварского мира часто называют и потестарные образования. О термине «империи» см.: *Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г.* Степные империи древней Евразии. СПб., 2005. С. 9–10.

¹⁵ Поиск истоков таштыкского стиля в южносибирских петроглифах «посттагарского» («тагаро-таштыкского») пласта» (*Панкова С. В.* К проблеме истоков таштыкского стиля // *Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции.* СПб., 2004. С. 325–329) вряд ли оправдан: специфические черты таштыкского стиля имеют, безусловно, центральноазиатское, а главное – непетроглифическое происхождение, и его проявления

в сибирских наскальных рисунках заведомо вторичны (чем и определяется реальная хронология соответствующих изображений).

¹⁶ Таштыкские склепы соотносятся с раннекыргызским владением Цигу. См.: *Савинов Д. Г. Владение Цигу древнетюркских генеалогических преданий и таштыкская культура // Историко-культурные связи народов Южной Сибири. Абакан, 1988. С. 64–74.*

¹⁷ *Вадецкая Э. Б. Таштыкская эпоха... С. 66.*

¹⁸ *Бернштам А. Н. Очерк истории гуннов. Л., 1951. С. 46–47.*

¹⁹ Поскольку оглахтинцы – исходно пришельцы на Енисее, их появление можно попытаться увязать с неким событием в Центральной Азии, обстоятельства которого способствовали уходу какого-то племени от хуннской угрозы в традиционном (и уже мифологизированном со времен шаньюя Модэ) северном направлении. Например, это могло быть одно из племен народа ухуань; хунну истребили его за разорение могил хуннских шаньюев. Однако ничто не мешает допустить, что часть ухуаней бежала за Саяны. Конечно, такие соотнесения умозрительны, настаивать на них было бы неверно. Столь же отвлеченны и рассуждения о языковой принадлежности этих племен.

²⁰ Подробные описания см.: *Вадецкая Э. Б. Таштыкская эпоха... С. 13–47.*

²¹ *Кызласов Л. В., Панкова С. В. Татуировки древней мумии из Хакасии // СГЭ. LXII. СПб., 2004. С. 63.*

²² *Вадецкая Э. Б. Таштыкская эпоха... С. 48.*

²³ *Панкова С. В. Новые образы таштыкского искусства и их параллели // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. Красноярск, 2005. Это замечательное открытие выводит на первый план задачу скорейшего исследования Оглахтинской группы могильников: из-за климатических сдвигов последних лет сохранность татуировок на мумиях в нераскопанных еще могилах оказывается под вопросом.*

²⁴ *Вадецкая Э. Б. Таштыкская эпоха... С. 153.*

²⁵ Описание см.: Там же. С. 229–230.

Азбелев П. П. Оглахтинская культура // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 6. 2007. Вып. 4. С. 381–388.

Статья призвана уточнить периодизацию культурной истории племен Минусинской котловины эпохи раннего средневековья. Суммируя выводы, обоснованные разными исследователями за последние десятилетия, и опираясь не на этническую преемственность, а на социально-культурные различия, автор предлагает повысить таксономический статус этапов «таштыкской эпохи»: ранний этап (грунтовые могилы I–V вв. н. э.) предлагается считать оглахтинской культурой, а за поздним (склепы V в. н. э. и позднее) – пока сохранить название таштыкской культуры.

Azbelev P. P. Oglakhty culture. P. 381–388.

This author urges that the periodization of the cultural history of the tribes of the Minusinsk basin in the early medieval époque be made more precise. Summarizing the findings proved by different researchers during the last decades and being guided not by the ethnical succession but also social and cultural differences, the author offers to raise the taxonomical status of the Tashtyk culture stages. The early stage (the ground tombs of the 1–4 centuries AD), from the author's point of view, should be considered Oglakhty culture. And the later one (the crypts of the 5 century AD and later) should be regarded for the time being as Tashtyk culture.